

13 июля Валентину Саввичу Пикуль исполнилось бы 65 лет

Рига, улица Весетас, дом 8, квартира 25, третий этаж... Этот адрес хорошо известен тем, кто знал Валентина Саввича Пикуля. В небольшой квартире, заполненной книгами, с уникальной генеалогической и библиографической картотекой, громадной коллекцией репродукций портретов, картин, казалось, жила сама История нашего Отечества, витал дух забытых эпох, воспевающий дела и судьбы тысяч людей России. Той России, правда, в которой сострадал писательский талант Пикуля-гражданина.

Я встретился с ним незадолго до того рокового 16 июля. После перенесенных за последние три года двух инфарктов и инсульта он по-прежнему работал в своем изнурительном режиме, хотя чувствовал себя, как рассказывала мне накануне встречи его жена Антонина Ильинична, заведующая библиотечной Домом офицеров Прибалтийского военного округа, не очень-то хорошо. Но когда я встретился с Пикулем, от него веяло бодростью, уверенностью. Только в глазах была какая-то неимоверная усталость. Пикуль в то время был занят работой над вторым томом романа о Сталинградской битве. Честно говоря, встретившись с Пикулем, я подумал, что выглядит он хорошо, только немного похудел. И невольно оказал об этом вслух, когда мы пробирались в его рабочий кабинет-библиотеку.

— Да что там хорошо... — негромко сказал Пикуль, отодвинув штору, за которой рядом с письменным столом, как в корабельной каюте стояла кровать, а на стене в изголовье были прикреплены бесхозырка, гюйс, фотография лихого моряка с тремя боевыми медалями на фланелевой матросской форменке — снимок будущего писателя, сделанный в победном 1945 году на Северном флоте. — Вот тогда я действительно хорошо выглядел, — произнес Валентин Саввич, устраиваясь за письменным столом.

Антонина Ильинична хлопотала на кухне, и вскоре на столе появились две чашки чая, сладкое, фрукты. И затеяла разговор о литературе, политике, истории. Пикуль словно хотел выговориться до конца.

— Машина работает? — спросил Валентин Саввич, глядя на диктофон. Иногда, спохватившись на том, что не предназначалось для широкого круга читателей, я нажимал по его просьбе кнопку «пауза».

На краю письменного стола писателя я увидел медную фигурку верблюда. Не удивился, спросил: почему именно статуэтка верблюда? Валентин Саввич улыбнулся:

— Всех писателей я разделяю на арабских скакунов и верблюдов. Первые домчатся до цели и сразу спускают, а иногда и не доходят. А верблюд — над ним все смеются, издеваются, а он тянет и тянет, и к цели всегда доходит. Верблюд — мой символ. Хотите посмотреть все, что я написал? — Мы прошли в небольшую комнату, где на отдельной полке стояли первые издания всех его романов. — Вот видите, какой я писучий.

Я заметил, что слово «писучий» абсолютно не вяжется с тем каторжным трудом, на который обрек себя Валентин Саввич, работая десятилетиями в затворничестве, без отпусков, выходных и праздников. За это время им написано более 600 листов прозы, которые с трудом уместились бы в объемистое 25-томное собрание сочинений.

— А вы знаете, что мною движет, — задумчиво произнес Пикуль и тут же ответил: — Честолюбие. Я очень честолюбив. И не скрываю этого. Я не тщеславен. Тщеславные вон сидят в президиумах, за трибунами торчат. А я честолюбив. По сути дела, это и заставляет работать. Сейчас я мог бы и не работать. Деньги есть, чего мне... Это очень хорошее качество — честолюбие... Особенно для офицера, который должен, обязан делать карьеру, обязательно. Ничего стыдного в том нет. Вся русская армия, весь русский флот держались на любящих честь.

— Валентин Саввич, сейчас вам проще работается, чем в годы запретов — открыты архивы, спецхраны.

— Да, говорят, сейчас вот открыты архивы, спецхраны... Вот у меня есть две книги по расстрелу царской семьи двух эмигрантов Временного правительства — Панкратова «С царем в Тобольске» и вторая — Быкова. В них вся правда. И спецхранов не нужно. Или взять Распутина. Вся литература о нем опять-таки была запрещена. Никакими архивами я

никогда не пользовался, но всю литературу собрал, все у меня дома есть. Я не начинаю писать, пока не соберу, хотя это дается с большим трудом.

Пишущий человек должен иметь дома материал, инструмент, рабочий инструмент, и ему этого достаточно. А если хочешь прочесть роман, походи в библиотеку и прочти, а потом верни.

— Валентин Саввич, а вы используете в своей работе старую периодику?

— Вот этим я и кормлюсь. Когда выпустил роман «Честь имею», приехали ко мне сербы и говорят: «Где вы брали материалы? У нас, в Сербии?» Я им сказал, что все это из русской периодики, показал некоторые документы и фотографии. Они даже не знали, что такие имеются. Вот так, русская периодика!

Привстав из-за стола, Пикуль подошел к книжной полке, достал несколько фотографий знаменитой геиши Окини-сан. Одну из них поднес мне на память, еще раз восторженно отозвавшись о работе русской периодики

до революции. А затем сказал:

— Когда я работал над романом о генерале Моро, мне из Парижа прислали книгу Эрнеста Доде (их три брата было, если я не ошибаюсь, и все писатели), изданную в Париже в 1909 году. Так вот, мне даже ее переводить не пришлось. Вон на полке стоит русская периодика за 1909 год. И вы можете посмотреть, что в том же году эта книга была переведена и опубликована в России. Вот так работали до революции! Чтоб вы знали, Россия до революции занимала в Европе второе место по книгопечатанию после Германии. Побивали Америку по частному предпринимательству. Вот Нижегородская ярмарка — это показатель успеха экономического развития России. А у нас десятилетиями говорили — отсталая, сермяжная, лапотная, бабы да пьяницы. Черта с два!

Только по русской генеалогии выходило в России три журнала. А у нас ее запретили как буржуазную науку. Давали генеалогические справки только из родословной Пушкина, ну иногда Толстого, не углубляясь далеко. А когда я сам составил таблицы, решил проверить, так ли это, что Лев Толстой и Пушкин родственники, и Рахманинов и прочие — родственники династии Романовых. И оказалось — да, действительно родственники...

Вы знаете, однажды в Ясной Поляне молодой Горький прогуливался со Львом Толстым. И там какая-то женщина полдела клумбу. Толстой указал на нее и заметил: «Вот за счет кого выжило русское дворянство. За счет таких женщин». Шло постоянное смещение крови, обновление, приток. Ведь вот у нас что такое было купечество. Это, по сути дела, в том же торговом капитале дворянство. Но посмотрите, какие люди были, какие головы! Мы же знаем их только по пьесам Островского, но они же не всегда были такими...

— Валентин Саввич, сейчас страна переживает какой-то информационный взрыв — появились сотни новых газет, журналов. А вы их читаете?

— Иногда читаю. Но только не литературные. Просто не хватает времени. Много приходится читать старой периодики. Она — один из основных источников для работы, в том числе и морская. Вот, к примеру, много есть интересного в альманахе «Море», издававшемся в свое время в России, «Морском сборнике». Кстати, прекрасный был журнал, не в пример нынешнему.

— А как вы относитесь к тому, что происходит в стране?

— Я всего не знаю, конечно. Всего не знаю. Телевизор я смотрю так: только программу «Время». Ну что, бардак крепчает. Понимаете, не надо было начинать с рубки виноградной лозы. Это не так просто какжется — нажал кнопку на столе — завтра не пьем. Так ты не пей, сам не пей, ну и не пей... Ведь понимаете, сколько унижений в тех очерках, сколько началось самооговаривания, потом молодежь начала вслух

отраву нюхать... Начали не так... Вот если бы взяли и уничтожили равноправие мужчины и женщины в нашей стране. Вот с чего надо было начинать. Потому что равноправие так называемое запрягает женщину в оглобли, делает из нее рабочую скотину. А женщина должна стоять на пьедестале, выше мужчины, тогда и будет достигнуто истинное равноправие.

— Валентин Саввич, какой выход видите вы из молодежного кризиса, в том числе и на флоте?

— Вот что бы я сделал. Я уже об этом говорил, но ничего не писал и не хочу писать. Много у нас шантрапы, стоят в подворотнях, болтаются вечерами, пьют там, обижают девушек, а он дерьсо на палочке, ему 15—16 лет. Как его вытянуть из подворотни?

Для этого нужно возрождение института школы юнг в нашей стране. Ведь не секрет, что есть такие государства, как Аргентина, Бразилия, где никто не станет адмиралом, если он не был юн-

извлекает какие-то темы совершенно неизвестные, охватывает целые периоды исторические. Другие не могут этого сделать. Молодежь! Дело даже не в том, как он пишет, хотя пишет он нормально. Маринистика должна быть познавательной.

— Валентин Саввич, а что у вас сейчас, как говорится, на кончике писательского пера?

— Да мне нужно с Паулюсом развязаться. Вот видите, лежит на лавке первый том нового романа о Сталинграде. Я не стал описывать детально ход сражений, битв, ничего подобного в моем романе нет. Если кто-то ожидает от меня именно такого хода развития событий, то их постигнет разочарование. Там только большая стратегия и большая политика — и все. Зачем я в окопы лезу? Ведь лучше Виктора Некрасова мне не написать. А политику я люблю и вообще даю в романе такой глобально-стратегический обзор событий. Сталинград — ведь это только эпицентр, а я даю картину всего, что творилось в это вре-

микромир и все, я в нем живу. Я даже не знаю, что за ним творится. В Ленинграде я, когда начал писать, жил на чердаке, да еще на уровне шестого этажа. Чтобы забраться в свою квартиру, надо было еще и в окно лезть... А квартиру мне не давали... Жена говорит мне: «Не унижайся, давай я обменяю комнату, поживем в Риге, там поработаешь». Ну а потом пошла год за годом. Как-то я попытался обратиться в Союз писателей на счет жилья. Там сразу поставили вопрос о моем исключении из Союза писателей СССР. Спасибо Витке Конечному, который был пьяным на том собрании и сказал, что это всех вас надо исключить из Союза писателей, а не Пикуля.

— О вас не так-то часто пишут в наших газетах и журналах, а если и появляются где-то публикации, то зачастую в них подвергают сомнению все ваше творчество. И тем не менее книги Пикуля любят и читают миллионы советских и зарубежных читателей. Будет ли когда-нибудь написана книга о вашем пути в литературу, о творческом методе, писательской, флотской и жизненной судьбе? Или уже, может быть, кто-то работает над таким произведением?

— Нет... За такое дело может взяться человек, хорошо знающий историю, чтобы он не на дилетантском уровне мог дать анализ романов. Конечно, такие люди есть. Но они боятся испортить свою карьеру. Ведь те, кто о Пикуле отзывается хорошо, тем ходу нету. Поэтому многие историки или ругают меня, или молчат вообще.

Сейчас смотрите, как получилось: вот пришел Горбачев к власти, сразу повеяло ветром свободы, и все далеко не лучшие писатели кинулись на трибуны уже как политические ораторы. Я Горе сказал: «Вот сейчас ползет все дерьмо». И действительно, все ничтожные личности эти, в литературу я имею в виду, полезли вверх, и о них узнали. Называют их писателями. Понимаете. Ну пускай лезут они. Я говорю так: что чем больше они наболтают, тем меньше напишут...

— Валентин Саввич, за годы литературной работы вы написали более 20 исторических романов и не одну сотню миниатур. В чем вы видите связь истории с современностью?

— Исторический роман-то во многом и современный. Я думаю, что автор, воссоздавая прошлое, волюн или невольно соотносит его с настоящим. Возникающие сплошь и рядом аналогии между историей и современностью закономерны. Я благодарен писателю Сергею Смирнову, который открыл нам героев Брестской крепости. После того я нашел себя как литератор, начав писать роман «Баязет», где, по сути дела, очень схожи были ситуации между защитой Баязета в русско-турецкой войне и защитой Брестской крепости в 1941 году. Сколько таких и им подобных аналогий можно найти, я не знаю, конечно. Но их очень много. Очерки...

Память — тоже оружие. А знание прошлого Отечества делает людей богаче духом, тверже характером, зорче разумом.

...Выключая диктофон. И снова перед глазами возникает исхудавшее лицо с глубоко вставшими глазами, посеянные годами и бессонницами морщины.

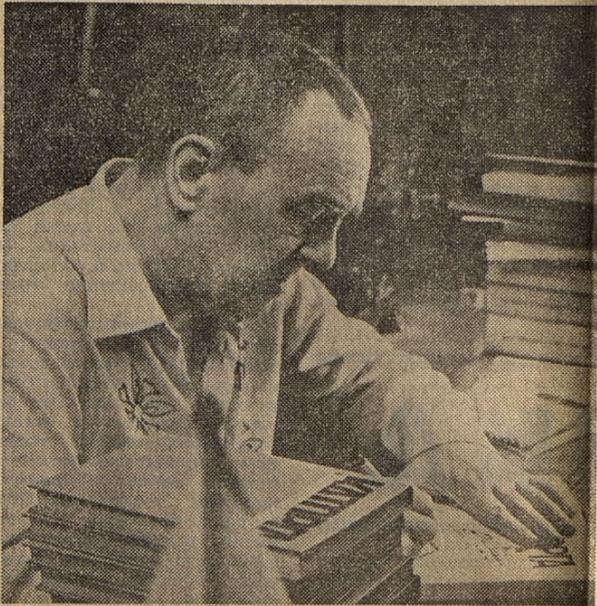
Время безжалостно к человеческим судьбам. 31 странице первого тома романа о Сталинграде не допишет уже никто... Когда-то на заре нашей литературы известный критик А. Воронский писал о том, что мы умеем ценить памятники искусства и даже с излишком роскошествуем в своем бережном отношении к материальным следам прошлого. Когда для проведения трамвайной линии или для разбивки сада нужно снести какой-нибудь покосившийся домик с колоннами и геральдическим щитом на фронтоне, целый ряд музейных ведомств и организаций поднимает свой голос на его защиту. Но нет ведомства, которое оберегало бы лучшие наши людские драгоценности. В обращении с ними мы допускаем расточительность снов, и только после смерти память о них заносится в инвентарь исторических ценностей.

Что ж, будем утешаться мыслью, что в инвентаре этом уготовано место и для Пикуля. Слабое утешение, но другого уже у нас нет...

В. КОНДРИЯНЕНКО.
Рига — Ленинград,
июль 1990 года.

Фото В. Шестопалова.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

гой. Закон такой. А у нас что, в нашей стране? На каждом флоте, на каждом море можно найти остров. И обучение, воспитание юнг должно происходить в островных условиях. Если только идиоты возьмут и сделают в Риге или Ленинграде — все, хана, это будет шпана такая же. Именно островные условия. Год проучить там, обучить специальности. И если даже из них 30 процентов выйдут в офицеры, то это будет уже хорошо. Но это будут настоящие моряки... Вспоминаю Соловки, свою школу юнг. Какие крепкие люди выросли!

— Ваши любимые писатели?

— Это очень сложный вопрос. Очень сложный... из классики — Салтыков-Щедрин, Малышкин, безусловно. Молодой Всеволод Иванов. Вот это те, которые заложили меня. Как видите, нет тут ни Льва Толстого, ни Тургенева, ни Пушкина... А я ведь начинал со стихов, извлекаю из этого выгоду. Когда пишу прозу, мне уже не хватает именности у меня сборники романов, стихов. И тогда я сам выдумываю городскую романс, матросскую песню, в общем любую, если надо где-то вкратить ее в историческое повествование. Самое трудное для меня было, когда я писал стихи за Потемкина. Да, да, за Потемкина. Он, к вашему сведению, был поэтом, вращался в кругу литераторов своего времени, молодой Фонвизин был его приятелем. Понимаете, и мне нужно было написать стихи за Потемкина в духе того времени, считай, середины восемнадцатого столетия. Долго мучился, но все же написал. Да и на всем протяжении творческой работы какие-то стихи бродят в голове, но я их душу сразу, потому что я не поэт. Что со мной случилось. Я в молодости очень стремился в поэзию. А потом прислушался к другим, почитал много поэтов и понял, что я не поэт...

Из писателей-маринистов я выделил бы сегодня Николая Черкашина. Он ковыряло, и дай бог ему здоровья. Так и надо стесудировать историю, в ней еще немало загадочных, полных драматизма страниц. А он, понимаете,

мя и в Африке, и в Риме, и в Сингапуре, как отражался сталинградские события на мировой политике... Вот это меня интересовало. А Паулюс — как собирательная историческая фигура, очень яркая. Единственно, чего мне не удалось до конца выяснить, — это обстоятельство его трагической кончины. Странная история.

— В отношении вашего отца — полкового комиссара, участвовавшего в Сталинградской битве и погибшего там, вам не удалось установить каких-то новых сведений?

— Да, я знал, что он вместе с морскими пехотинцами держал оборону в Доме пионеров и по всем имевшимся сведениям там и погиб. Но помогли узнать новые детали пионеры — следопыты и энтузиасты. Оказалось, что отец был тяжело ранен в голову, его хотели переправить через Волгу. Но переправа была кромешным адом, там отец погиб. И похоронили его вместе с другими нашими воинами на левом берегу Волги. Вот когда я об этом узнал, я и задумался вообще — что такое Сталинград? С этого и началась моя работа над романом. Он должен публиковаться осенью... Это ведь только первый том. В нем показаны события до 23 августа. Все остальное там впереди...

— А вас не «преследуют» ваши герои? Ведь бывает так, что напишете книгу... — И забывают!.. Книга мне дорога до тех пор, пока она в печати не появилась. Я никогда не читаю своих романов. Мне уже неинтересно. У меня голова счастливо устроена. Я вот когда над чем-то работаю — помню имена, даты, все могу назвать абсолютно точно. Как только я закончил работу — у меня как-то сразу голова освобождается для другой информации.

— А вас не тянет на свою литературную родину, в Ленинград?

— Нет. Потому что он напичкан моими противниками. Меня там ненавидят.

— Только из-за этого?

— Да, в общем-то из-за этого. Я сейчас вам объясню, почему я здесь оказался. Рига мне не нужна. У меня мой